

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ОПЕКЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ОДНОСЕЛЬЧАНАМ (1861–1914)

С. А. ТОЛМАЧЁВА,

кандидат исторических наук, доцент кафедры славянской истории и методологии исторической науки
Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка

Отмена крепостного права в 1861 году привела к изменениям в государственном механизме самодержавной России. В 60-х годах XIX века речь шла не об изменении самодержавно-бюрократической системы вообще, а только о включении в эту систему новых институтов самоуправления — крестьянского общинного и волостного, всесословного земского и городского. Власть российского императора по-прежнему была неограниченной, высшие государственные органы сохраняли феодальный и полусословный характер, однако на местах (вместе с органами государственного управления) были созданы органы с самостоятельной сферой деятельности.

Крестьянское самоуправление, основанное на законодательных актах реформы 1861 года, было составной частью органов местной системы управления. Несмотря на то что органы крестьянского самоуправления оставались сословными, их создание было значительным шагом вперёд на пути демократизации и упорядочения жизни пореформенной деревни.

«Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (далее — «Общее положение») [1] создавалась двухуровневая система, согласно которой крестьяне для решения хозяйственных интересов объединялись в сельские общества, а для ближайшего управления и суда — в волости (ст. 17). Сельское общество объединяло крестьян, живших на земле одного помещика в одном или нескольких селениях. Кроме того, разнопоместным крестьянам одного селения или нескольких малонасе-

лённых разрешалось объединяться либо присоединяться к другим сельским обществам с их согласия.

Волость должна была объединять сельские общества, принадлежавшие к одному церковному приходу; в неё входило от 300 до 2000 ревизских (мужских) душ (разд. II, гл. I «Общего положения»). Управление в сельском обществе возлагалось на сход домохозяев и сельского старосту, избираемого на сходе (разд. II, гл. II, там же). В волости сход включал сельских и волостных должностных лиц и выборных от каждых 10 дворов, волостного старшину с волостным правлением и волостной крестьянский суд (разд. II, гл. III, там же). Контролировали деятельность крестьянского самоуправления мировые посредники, назначаемые Сенатом по рекомендации губернских властей из местных дворян-помещиков.

Важной стороной деятельности крестьянского самоуправления в социальной сфере была помощь бедным и потерпевшим от различных несчастий, призрение сирот и больных, одиноких (в соответствии с нормами обычного права), а также содержание общественных хлебных складов (так называемых хлебных запасных магазинов), больниц, богаделен и подобных учреждений.

До 1861 года закон возлагал на помещиков обязанность опекать крепостных крестьян, потерявших трудоспособность, однако это законодательство далеко не всегда исполнялось [2, ст. 256]. С освобождением крестьян от крепостной зависимости (1861) и с предоставлением им прав свободных сельских жителей эта

обязанность была возложена на общественное сельское самоуправление по примеру остального податного населения [2, ст. 257]. В целях предупреждения нищенства среди бывших крепостных были введены, с одной стороны, меры общественной опеки бедных, потерявших трудоспособность, а с другой — меры взыскания, которым подвергались те крестьяне, которые были замечены в нищенстве не из-за личного несчастья, которое привело хозяйство в полное разорение, а из-за лени [3].

Обсуждение мер, которые необходимо было принять для опеки действительно обедневших и неимущих, относилось к компетенции сельского и волостного сходов [1, ст. 51, § 8; ст. 16, 78, § 3]. На волостных старшин и старост возлагалась обязанность наблюдать за тем, чтобы в сельском обществе не было нищенства вследствие лени. Служебные лица привлекались к ответственности в случае выдачи паспортов тем лицам, которые не могли прокормиться собственным трудом [1, ст. 58, п. 10; ст. 60, 83, 84, п. 8; 2, ст. 264, 266]. В феврале 1862 года циркуляр Министерства внутренних дел обязывал мировых посредников разъяснять волостным правлениям и сельским обществам временно обязанных крестьян законы о мерах пресечения нищенства [4, д. 96, л. 28—29].

«Общее положение» возложило на общество обязанность опекать сирот и тех членов общества, кто не мог прокормиться своим трудом и у кого не было родственников или последние были не в состоянии их содержать. Общественное призрение осуществлялось тем сельским обществом, к которому принадлежал крестьянин, нуждавшийся в помощи (ст. 21, 179). Общее положение предлагало руководствоваться обычаем при выборе формы подобной опеки (ст. 21). В Виленской, Витебской, Гродненской и Минской губерниях она зависела от решений сельского схода.

В соответствии с Общим положением волостной сход решал вопросы общественного призрения, однако чаще это право отдавалось сходам того или иного сельского общества, где были лица, нуждавшиеся в опеке (ст. 78, п. 3). Обычно если сироты, больные, престарелые имели землю или какое-либо имущество, то они опекались родственниками добровольно или по решению волостного суда. Опекуны в таком случае пользовались имуществом и землёй тех, кого призревали.

Совсем больные и не имевшие никакого имущества крестьяне опекались сельским обществом. Формы помощи были разными. В одних случаях в порядке очереди давалось питание и помещение в каждом дворе, а хлопоты об одежде возлагались на старосту, а затем распределялись на всё общество. В других обществах старика содержали в чьём-либо доме или при доме волостного правления. Если крестьяне, которым необходима была опека со стороны общества, имели помещение, где они могли бы жить, то иногда по приговору сельского схода делалась ссыпка хлеба в пользу таких крестьян. Более редко и только по решениям волостных судов крестьяне отдельных обществ ежегодно облагались денежным сбором до 10 рублей в пользу одного опекаемого. В некоторых случаях общество платило за содержание своих неимущих в больницах, но крестьяне стремились уклониться от необходимости отправлять своих однообщинников в богадельни из-за нежелания платить за их содержание [4, д. 2568, л. 62; 5, с. 433].

Общество брало на себя опеку над сельчанами только в тех случаях, когда те совсем не имели родственников или самим родным была необходима помощь. Однако добровольных денежных сборов на присмотр неимущих или сирот по инициативе самих обществ не было: крестьяне относились весьма отрицательно к просьбам об опеке, и часто эти вопросы решались в волостных судах [4, д. 2568, л. 31 об.; 5, с. 433—443].

Минское губернское присутствие по крестьянским делам в 1-й половине 80-х годов XIX века издало инструкцию для защиты имущественных прав сирот в отношении наследства, а также по правилам установления опеки над крестьянами и контроля за деятельностью опекунов. В соответствии с этим документом в некоторых случаях уездные крестьянские учреждения назначали помощь неимущим в размере 36 рублей ежегодно. Раскладка производилась крестьянами по приговору схода, а деньги выдавались из волостного правления [4, д. 2568, л. 41, 395—399].

Минское губернское совещание по вопросам пересмотра законодательства о крестьянах отмечало, что не только в учреждениях по крестьянским делам, но и в волостных правлениях не было никаких свидетельств обо всех лицах,

пользу
и сель
ев, ко
Поэто
данны
общес
количе
лежит

В М
ной ад
было с
ключе
по при
ены д
и инва
жалась
средств
из сбор
нежная
имел с
мах и
содерж
довало
ло 2 к
пеек с
произо
приказу
уездах
поэтом
неравно
при каж
на 10 ч
го уезда
но мирс
мов опе
по реше
крестьян
но шли
почиталь
щества [

В 1897
утратив
стьянами
но 19,7 т
каждой в
(%) покр
тельных
расходов
в средн
ской — п
по 5,1 и 1

пользовавшихся какой-либо помощью селений и сельских обществ, за исключением тех случаев, которые рассматривались волостным судом. Поэтому даже современники не имели точных данных о количестве подобных лиц по сельским обществам, хотя факт существования некоторого количества неимущих в каждой волости не подтежит сомнению [5, с. 443].

В Могилёвской губернии по приказам местной администрации общественное призрение было организовано иначе. Во всех уездах (за исключением Гомельского) на деньги, собранные по приговорам волостных сходов, были устроены дома призрения, в которых престарелые и инвалиды, не имевшие своих домов, содержались за счёт ежегодного сбора с волости. Из средств этого же сбора (а в некоторых уездах из сбора с обществ) ежемесячно выдавалась денежная помощь в размере 1—3 рублей тем, кто имел свои дома. При опеке в собственных домах и пожертвованиях продуктами питания на содержание одного человека ежегодно расходовалось около 20 рублей, что составляло около 2 копеек с надела (приблизительно 0,5 копеек с десятины). Устройство домов призрения произошло хоть и по приговорам сходов, но по приказу администрации, которая в тех или иных уездах руководствовалась разными подходами, поэтому распределение этих учреждений было неравномерным. Например, в Оршанском уезде при каждой волости были созданы дома опеки на 10 человек, в Рогачёвском — один для всего уезда на 20 человек. Кроме непосредственно мирского сбора на содержание тех же домов опеки шли штрафы, которые взыскивались по решениям волостных судов учреждений по крестьянским делам. Однако крестьяне неохотно шли в дома призрения, богадельни, а предпочитали помощь деньгами от волости или общества [5, с. 445, 490].

В 1891 году на содержание сирот, неимущих и утративших трудоспособность односельчан крестьянами белорусских губерний было выделено 19,7 тыс. рублей (в среднем по 28,8 рублей в каждой волости), из которых 16,1 тыс. рублей (82 %) покрывалось из волостных сумм. В относительных числах более всех на названные нужды расходовали крестьяне Витебской губернии — в среднем по 59 рублей в волости, в Могилёвской — по 38,6, а в Виленской и Гродненской — по 5,1 и 16,4 рублей соответственно [6].

В 1905 году на опеку и общественную помощь крестьяне пяти белорусских губерний выделили 25,2 тыс. рублей (в среднем по 37,5 рублей в волости). Однако если в Виленской, Витебской и Гродненской губерниях расходы на названные нужды не превышали в среднем 10 рублей в волости (по 8,1; 7,4 и 9,8 рублей соответственно), то в Могилёвской этот показатель составил 253 рублей, а всего в губернии — 17,9 тыс. рублей. Пример таких расходов не был типичным. Наоборот, с развитием капиталистических отношений крестьяне всё с большей неохотой давали деньги на призрение малоимущих однообщинников. В частности, в Витебской, Гродненской и Минской губерниях сельские и волостные расходы на обозначенные нужды сократились с 1891 до 1905 год на 89,2; 46,7 и 45,4 % соответственно [6].

Таким образом, во 2-й половине XIX — начале XX века органы крестьянского самоуправления придавали большое значение опеке и призрению неимущих членов общины. Иногда это было следствием приказов и циркуляров местной администрации, а во многих местностях основывалось на обычае. Формы опеки и призрения также отличались. Постепенно волости стремились уменьшить эти расходы, и только уездная и губернская администрация сдерживала это желание.

Важной составной частью социальной сферы деятельности крестьянского самоуправления была и помощь однообщинникам. Во 2-й половине XIX века расходы на неё были довольно значительными, однако далеко не все они фиксировались в официальных отчётах. В некоторых случаях оценить в денежном эквиваленте помощь было невозможно. Например, когда односельчане помогали в сборе урожая или строительстве нового дома, за что крестьяне расплачивались отдельно. Согласно официальной статистике, в 1891 году на помощь однообщинникам из мирских капиталов было выделено 25,2 тыс. рублей, что составляло в среднем по 37 рублей на волость. Наибольшие суммы выделялись в Витебской и Могилёвской губерниях — по 67,9 и 50,6 рублей соответственно на волость, а наименьшие — в Виленской — в среднем по 5,1 рублей в каждой волости. Такие показатели, вероятно, были связаны с сохранением общинной формы землепользования в первых двух губерниях. Около 80 % всех денег на помощь однообщинникам выделялось из волостных сумм. Однако в Ви-

виленской губернии доля волостных сумм составляла 31,9 % от всей суммы на названные нужды, в Витебской — 91,8 %. В частности, помощь потерпевшим от неурожая оказывалась практически во всех губерниях белорусского края исключительно из волостных сумм. В целом на помощь им, кто потерпел от неурожая, в 1891 году в пяти белорусских губерниях из мирских капиталов было выделено 1,7 тыс. рублей, при этом в Витебской губернии эта сумма составляла 778 рублей, а в Виленской — только 2 рубля на всю губернию [6].

Таким образом, в тех местностях, где преобладала общинная форма землепользования (Витебская и Могилёвская губернии), крестьяне чаще помогали однообщинникам в тяжёлых случаях. Более быстрый рост капиталистических отношений, экономическая дифференциация при одновольственном землепользовании приводили к сокращению расходов из мирских капиталов на социальные нужды. Однако необходимо отметить, что часто суммы на помощь однообщинникам в несколько раз превышали расходы из сельских сумм. Это было связано, во-первых, с тем, что волостные расходы учитывались более точно, а во-вторых, с тем, что сельские общества помогали односельчанам чаще теми способами, которые не учитывались официально. Именно в низовых структурах (на сельских и селенных сходках) существовало настоящее самоуправление, в то время как волостные сходы и должностные лица исполняли распоряжения начальства.

Развитие капиталистических отношений требовало усовершенствования обработки почвы, улучшения семенного фонда и пород скота. Всё это для большинства крестьянства было невозможно без дополнительного финансирования. Однако те формы кредита, которые предоставлялись банками, не соответствовали интересам крестьянства. Поэтому по приказу крестьянских учреждений на основании ст. 186 «Общего положения» в волостях создавались ссудоберегательные кассы. Закон давал право тем сельским общинам, где существовали или организовывались эти капиталы, выбирать способы их составления и порядок пользования ими. Эти кассы обычно состояли из остатков от расходования собранных на различные нужды мирских сумм, а также из штрафов, присуждаемых волостными судами, старшинами и старостами. Лучалось, что крестьянам бывшие помещики

дали деньги. Так, в 1864 году в Игнатитском сельском обществе Самохваловичской волости был постоянный капитал в размере 308 рублей 2 копеек, подаренный помещиком Ельским [4, д. 417, л. 15 об. — 16]. Однако отчётность в сельских и волостных правлениях находилась не на должном уровне. В частности, в 1867 году мировой посредник Новогрудского уезда докладывал губернатору, что ведомости вспомогательных касс велись запутанно, неправильно, деньги выдавались в ссуду и не возвращались. Иногда в специальных книгах не показывалось, почему и на каком основании осуществлялась эта выдача [4, д. 835, л. 12 об.].

В 1-й половине 60-х годов XIX века во многих волостях запасных капиталов не было, в некоторых суммы достигали 600 рублей. Размеры их зависели от зажиточности крестьян и количества душ в волости [4, д. 417, л. 24, 53]. В 1866 году Минский губернатор отмечал, что запасные капиталы в волостях встречались как «счастливое исключение» [4, д. 643, л. 12]. К концу XIX века специальные капиталы имелись почти в каждой волости и определялись целью сбора. Они составлялись на строительство церкви, волостных и сельских общественных строений, волостных правлений, хлебных запасных магазинов (т.е. складов, где хранилось зерно для общественных нужд), народных училищ и т.д. Суммы часто доходили до нескольких тысяч рублей, десяти и даже более, собирались на протяжении нескольких лет — от трёх до десяти и больше [4, д. 2568, л. 270–271 об.]. Например, в Виленской губернии существовали следующие специальные капиталы: 1) училищный капитал, состоявший из взносов (1,5–2 копеек с десятины земли), установленных циркуляром Виленского генерал-губернатора Муравьёва от 23 декабря 1864 года № 4203 (деньги эти шли на некоторые расходы народных училищ); 2) мирской запасной капитал, состоявший из штрафных денег и выдававшийся крестьянам в ссуду под 6 % годовых; 3) сиротский капитал, состоявший из вкладов, принадлежавших сиротам, и остававшийся без движения и только частично дававшийся крестьянам в ссуду. Виленское губернское по крестьянским делам присутствие отмечало, что контроль за сохранением этих капиталов и правильным распоряжением ими не осуществлялся, потому что не было точных по-

становлен-
проблемы

В Грод-
мирских к-
ные ссудн-
под надзо-
ные прав-
ствиям, н-
ный сбор-
ние после-
шение ди-
питал выд-
но не боле-
ливаемые
тал расхо-
ственные
лений и т.

В 1899
ние пред-
среднико-
ние ссуды
маленько
значитель-
лостей на
все своб-
нам, кото-
ссуды. Кре-
сберегате-
даже в во-
бернии сс-
за кредит-
мохозяев,
ручителей
ков, а так
обходимо

В конц-
ществова-
надлежав-
данный и
дарственн-
ков мирск-
ды и штр-
выми пос-
ми на дол-
ся волост-
тал состав-
в 250 тыс.
ния выда-
ведения т-
центов. М-
делам при-

становлений и законов в отношении данной проблемы [5, с. 733–734].

В Гродненской губернии не было сельских мирских капиталов, однако существовали волостные ссудные капиталы, за расходование которых под надзором волостного схода отвечали волостные правления. Ссудный капитал давался крестьянам, нуждавшимся в помощи, а подесятинный сбор шёл на нужды училищ. На расходование последнего каждый раз требовалось разрешение дирекции народных училищ. Ссудный капитал выдавался крестьянам на различный срок, но не более чем на 10 лет под проценты, устанавливаемые волостными сходами. Иногда этот капитал расходовался безвозвратно на другие общественные нужды: строительство волостных правлений и т.д. [5, с. 740; 8, с. 58].

В 1899 году Гродненское губернское совещание предводителей дворянства и мировых посредников отмечало, что надежда на получение ссуды из волостного капитала была весьма маленькой. Во-первых, эти капиталы были незначительными, во-вторых, в большинстве волостей наличных денег не имелось, потому что все свободные суммы были розданы крестьянам, которые весьма неохотно возвращали эти ссуды. Кредитование крестьян из мирских ссудо-сберегательных касс происходило по-разному даже в волостях одного уезда. В Гродненской губернии ссуды чаще давались без поручительства за кредитуемого со стороны благонадёжных домохозяев, не были точно определены права поручителей по взысканию денег с неплательщиков, а также процедура выявления степени необходимости в ссуде [8, с. 58].

В конце XIX века в Минской губернии существовал мирской запасной капитал, принадлежавший всем волостям губернии и созданный из запасного капитала бывших государственных крестьян, из ежегодных остатков мирского сбора на волостные расходы и штрафов, налагавшихся бывшими мировыми посредниками и уездными учреждениями на должностных лиц, а также присуждавшихся волостными судами. В 1884 году этот капитал составлял по всем волостям губернии сумму в 250 тыс. рублей, при этом волостные правления выдавали из него краткосрочные ссуды без ведения точной отчётности по взысканию процентов. Минское губернское по крестьянским делам присутствие утвердило 15 июня 1884 го-

да инструкцию о порядке пользования ссудами из мирских запасных капиталов и о порядке ведения отчётности по этому капиталу. Применение этой инструкции дало свои результаты. Крестьяне исполняли условия краткосрочного кредита, и капитал пополнялся из вышеназванных средств, ссуда выдавалась под 6 % годовых, за несвоевременный возврат денег взыскивалась пеня [4, д. 2568, л. 65 об. — 66; 5, с. 475]. Однако Слуцкое уездное по крестьянским делам присутствие отмечало, что реализация этой инструкции на практике встречала много трудностей и даже иногда не исполнялась, потому что возвращение ссуды в течение одного года часто было невозможно, особенно в случае неурожая или приобретения земли либо орудий или приспособлений, которые окупались в длительный срок [4, д. 2568, л. 95–95 об.].

В Могилёвской губернии также существовали кредитно-сберегательные кассы. В 1884 году величина оборотного капитала всех этих касс составляла 340,7 тыс. рублей, а в наличии было 63,4 тыс. рублей (18,6 %) [9, с. 16; 10, с. 323]. В начале 1895 года весь капитал составлял 1 103,3 тыс. рублей [9, с. 16; 10, с. 323]. В 1899 году кредитно-сберегательные кассы были уже в каждой волости губернии, а в Гомельском уезде действовал Николаевский сельский банк. Их общие обороты достигали 1,5 млн рублей. Кроме того, в 1899 году в сберегательных кассах Государственного банка вклады крестьян губернии достигли 1 757 тыс. рублей. Кредитно-сберегательные кассы принимали вклады и давали ссуды членам сельских общин. Только в одной волости, где капитал кассы был весьма значительным, выдавались ссуды и чужим лицам, но в залог процентных бумаг. Порядок действий касс определялся приговорами сходов. Ссуды чаще выдавались на год с единовременным погашением. В результате происходило постоянное переписывание ссуд и процентов. Иногда крестьяне обращались к ростовщикам, чтобы занять деньги для погашения ссуды в кассе, а затем погасить долг новой ссудой [5, с. 475–476].

Банковский кредит не удовлетворял крестьян и сопровождался значительными бюрократическими ограничениями и условиями, что пугало малограмотных крестьян. Поэтому при необходимости они чаще обращались в волостные ссудо-сберегательные кассы. Однако капиталы, составлявшиеся из вкладов всех крестьян

волости, не были для них одинаково доступными. Ссуду получали только те, кто мог её возвратить и погасить годовой процент, что значительно сужало круг тех, кто пользовался ссудами из названных касс. Тем не менее в целом крестьянское самоуправление через организацию и деятельность ссудосберегательных касс содействовало экономическому развитию белорусской деревни.

Список использованной литературы

1. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости : Закон от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. — 2-е собр. — Т. XXXVI. 1861. — СПб. : Гос. тип., 1863. — № 36657.
2. Свод законов Российской империи. — СПб. : Гос. тип., 1857. — Т. XV, ч. I.
3. Свод законов Российской империи. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. — СПб. : Гос. тип., 1857. — Т. XIV. — Ст. 1273.
4. Дела Минского губернского по крестьянским делам присутствия // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Фонд 242. — Оп. 1. — Д. 96, 417, 643, 835, 2568.

5. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах : в 3 т. — СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1897. — Т. 2. — 767 с.

6. Временник Центрального статистического комитета МВД № 38. Мирские расходы и доходы крестьян за 1891 г. в 50-ти губерниях Европейской России. — СПб. : Центральный статистический комитет МВД, 1895.

7. Мирские доходы и расходы крестьян за 1905 год по 50-ти губерниям Европейской России / сост. Статистическим отделением. — СПб. : Электротипография Н. Я. Стойковой, 1909. — 404 с.

8. Крестьянское дело в Гродненской губернии : свод заключений по вопросам, рассмотренным Советом предводителей дворянства и мировых посредников в 1899 г. — Гродна : Губернская тип., 1900.

9. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : в 58 вып. — СПб. : Гос. тип., 1903. — 167 с. — Вып. 22. Могилёвская губерния.

10. Опыт описания Могилёвской губернии / под ред. А. С. Дембовецкого : в 3 т. — Могилёв н/Днепре : Тип. Губернского правления, 1882—1884. — Т. 3. — 329 с.

У запісную кніжку

Привычка — «вторая натура» человека, и воспитание, которое состоит в приобретении навыков, именно и даёт нам эту вторую природу.

В. М. Бехтерев

Для того чтобы воспитание могло создать для человека вторую природу, необходимо, чтобы идеи этого воспитания переходили в убеждения воспитанников, убеждения — в привычки. Когда убеждение так укоренилось в человеке, что он повинуется ему прежде, чем думает, что должен повиноваться, тогда только оно делается элементом его природы.

К. Д. Ушинский

Привычка — наша вторая натура, и она-то меняет природу первоначальную. Но что такое человеческая натура? И разве привычка не натуральна в человеке? Боюсь, что эта натура — наша самая первая привычка, меж тем как привычка — наша вторая натура.

В. Паскаль

Воспитание есть воздействие на сердце тех, кого мы воспитываем.

Л. Н. Толстой